

Т. А. Осипова

ТОПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО МИФА

Целью данной статьи является рассмотрение мифа как ключевого концепта, формирующего семантическое ядро культуры с помощью конструирования представлений о «картографировании» реальности через её описания в системе координат «время» и «пространство».

Язык народной культуры и культуры традиции – это язык мифа, сказки. Сказка и миф – это сфера образного, в которой всякий концепт обретает визуальное отображение, персонифицируется в некий архетипический характер-персонаж. В данном случае он истолковывается не как смысл, сконцентрированный в мысли-слове, а как живая, эффективно-действующая и воздействующая на мир сила. «Миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность»¹.

Миф – это предельно приближенное к глубинам бессознательного начало и окончание культуры. Из мифа рождается мысль, как критическое сомнение в достоверности мифа, определяющее его семантику. Мысль развивается, достигает своего апогея, и исчерпав семантический ресурс данного мифа, довольствуется найденными объяснениями и корректировками прошлой картины мира (старого мифа), а затем творит новый миф (на основе прежнего) – новую «зону комфорта».

Таким образом, мы можем назвать миф кольцом, опоясывающим культуру и превращающим ее в некую замкнутую и зацикленную на собственные границы систему. При этом миф, выступая инструментом познания и описания, одновременно является и их (познания и описания) границей. Миф ограничивает возможность постижения реальности формами и правилами собственного символического текста. В то же время, миф поистине диалектичен: в нём заложено зерно, чья суть – «логика противоречия»²; миф обусловлен сюжетом проявления из «одного определённого» качественно «киного нового», рождения «нечто» из «ничто». Благодаря этому свойству миф одновременно перманентно эволюционирует и остается структурно верным своей изначальной сути (самости).

¹ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 18.

² Там же.

Миф картографирует сознание человека, выступая ключевой системой координат, определяющей аксиологические ориентиры человеческого сообщества. «Мифология есть психология, ошибочно прочитанная как биография, история и космология. Современный психолог может восстановить её подлинные денотации, как бы вернувшись к языку оригинала, и таким образом спасти и сохранить для современного мира богатый и выразительный документ о глубинных силах человеческого характера»¹.

Миф – это основание мира традиционной культуры, это предыстория, божественная родословная человека и мира. «Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но – логически, т. е., прежде всего, диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще»². Благодаря мифу человек формулирует вопросы о первопричинах и отвечает на них, собирает разрозненные фрагменты «неопределенного нечего» в Космос-мир. Первые мифы – это всегда мифы о творении. О том, как появились пространство и время – возникли жизнь и смерть. То, как миф интерпретирует устройство мира, какие понятия помещаются в позиции антагонизма, а какие – в позиции синонимичности, обуславливает основания ментальности культуры³.

Категории «пространство» и «время» тесно связаны с категориями «жизнь» и «смерть». Пространство и время являются решающими факторами для свершения событий жизни и смерти. «Где?», «когда?» и «как?» определяют то особенное сочетание обстоятельств, которое позволяет произойти и свершиться единственному, уникальному событию, одному из множества столь же вероятных и столь же уникальных других событий. Не случайно точки пересечения пространства и времени всегда играют в культуре важнейшую роль, задавая вектор развития ее содержания.

В традиционной культуре точки пересечения пространства и времени осмысляются в контексте провиденциализма. Благодаря этому возникает фундаментальное для традиционной культуры понятие «судьба». Причем судьба мыслится не только как детерминированность всего сущего, но и как смысл каждого живого существа и предмета⁴. Всякий герой мифа существует как олицетворение определенного качества-силы. Так, смысл жизни героя (антигероя)

¹ Кэмбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Ваклер, Рефл-бук, АСТ, 1997. С. 153.

² Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 18.

³ См.: Рыбас А.Е. Философия русской сказки // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 28. СПб., 2016. С. 113–129.

⁴ См.: Бродский А.И. Логика судьбы // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 19. СПб., 2009. С. 5–16.

раскрывается в поступке – реализации того принципа, который он и олицетворяет. Обстоятельства, представляющие собой событийный контекст мифической реальности, складывается таким образом, что поступить иначе герой просто не может, так как он пришел в мир с определенной целью, о которой он осведомлен с самого начала или узнает по ходу сюжета от других героев мифа. Богатырь рождается на Русской Земле исключительно в час ненастья – тогда, когда в нём (богатыре) есть необходимость.

А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не в поясай в поесья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд¹.

Помимо создания провиденциалистского контекста культуры, категории «пространство» и «время» выполняют упорядочивающую функцию – функцию определения границ. При этом время понимается как линейность, цикличность или точка.

Линейное время делит события на «прошлое», «настоящее» и «будущее». Линейное время – это человеческий век, жизнь отдельного индивида. Время циклическое – это время смены времён года, эпох и поколений, время мифа и сказок. Герои сказок живут в замкнутом мифе, сюжет которого оживает всякий раз, когда миф воспроизводится в рассказе или ритуале.

Циклическое время – это время закономерностей, время вечно-го повторения одного и того же сюжета. За зимой непременно следует весна, а за весной – лето. Дети однажды станут родителями, а затем роль родителей перейдет к следующему поколению, и недавние дети станут стариками. И так далее, без конца. Не случайно у многих народов традиционного уклада жизни существуют представления о перерождении душ предков в потомках, а род человеческий понимается как микрокопия мира природы, с его закономерной сменой сезонов. Также имеют место представления о циклическом переходе самой жизни – «энергии» – из одной формы в дру-

¹ *Авенариус В.П.* Книга о киевских богатырях: свод 24 избранных былин древне-киевского эпоса. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 6.

гую¹. Например, в фольклоре часто встречается мотив превращения героя после смерти в птицу, зверя или растение. В русской народной песне «Ой, разлилась речка быстрая» река говорит с юношей голосом его утонувшей сестры:

А крутой беряжок – это грудь моя.
Шелковая трава – это волос мой.
Белы камушки – это глазки мои.
Бела рыбаца – это тело мое.
А речная вода – это слезки мои.
Ключевая вода – это кровь моя...

Для циклического времени вечность не за пределами мира людей, а здесь и сейчас. И это «сейчас» тождественно «всегда». Такое представление характерно и для языческой Руси, оно запечатлелось во многих русских народных сказках, былинах и песнях.

После христианизации Руси время стало восприниматься всё в тех же рамках провиденциализма, но теперь это уже были не предопределенность «смены времён года», а неизбежность конца света и страшного суда, обусловленная предысторическим грехопадением Адама и Евы. Таким образом, вечность была перенесена из сферы реального «здесь» в потустороннее «там».

Как языческая, так и христианская парадигмы схожим образом очерчивают границы внутри Космоса. Это разделение происходит за счет дробления не только времени, но и пространства. В метафизическом смысле Вселенная делится на «тот» мир и «этот». Но численно данное деление выражается не через две, а через три сферы: мир богов и предков (рай), срединный мир (мир людей), нижний мир – мир предков (ад).

Христианство, православие в частности, делит «ту» сторону на благое и неблагое. Мир небесный – рай, он является квинтэссенцией истинного, благого и прекрасного, ад же представляет собой инверсию рая. Мир людей представлен как поле битвы рая и ада.

В языческом воззрении нижний мир не является логовом зла, а верхний – единственным источником блага и света. Как Небеса (верхний мир), так и Подземная бездна (нижний мир) – это просто «та» сторона, место, где живут предки и боги. Срединный мир – это место жизни «младших» богов – духов природы и дома, а также людей.

Согласно русским народным сказкам, и на Небесах с героем может приключиться «худо», а в Подземелье – «благо». Так, в сказ-

¹ См.: *Кравченко В.В.* Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. С. 28–49.

ке «Старик на небе» поднявшийся в верхний мир по гороховому стеблю старик был пойман одной из коз – хозяйек дома: «Но на двенадцатой козе сбился, заговорил только одиннадцать глаз; коза увидела его двенадцатым и поймала»¹.

Очерчивание границ культурного пространства с помощью категорий «пространство» и «время» происходит также в повседневной, бытовой жизни. День человека дробится на «до» и «после» восхода и захода солнца, на «вчера», «сегодня» и «завтра». Пространство делится на «свой» дом (край) и «чужой»: всё, что расположено до горизонта-«края», это своё, а то, что за горизонтом – иное, «чужое». Пусть и вполне известное, и материально-проявленное, но то, что находится за горизонтом, незримое глазу, отчуждается, превращается в столь же отдаленную для человеческого восприятия область, как и «тот свет».

«Тот свет» – это свет другого, «перевернутого» солнца, солнца, ушедшего за горизонт, в мир мёртвых. Отсюда и возникает подозрительное отношение к чужеземцам, к тем, кто пришел из другого, невиданного (в буквальном смысле – того, которого никто не видел) края, из-за моря, из-за горизонта. Такой человек воспринимается как странник из мира богов, предков и духов, и кто может знать, с добром ли, с худом ли пришел этот чужеземец.

Это особенное отношение к чужестранцам переносилось и на соотечественников, отправлявшихся в дальние путешествия. Такой человек считался едва ли не шаманом, колдуном – человеком Силы, способным пересечь границу зримого и незримого, посетить иные миры и вступить в контакт с их обитателями. Считалось, что с таким человеком непременно должны были происходить дивные вещи.

В более поздний период такое отношение к путешествующим переносится на странников. Но оно уже почтительное, без недоверия и опасений, благоговейное. Странник, ходящий по монастырям и стремящийся посетить Святую землю (Иерусалим), – это Божий человек. Паломник, побывавший в Иерусалиме, приравнивается народным сознанием едва ли не к человеку, побывавшему в раю. Странникам приписываются чудесные способности. Так, в первой из цикла былин об Илье Муромце странники, «калики перехожие», исцеляют богатыря от недуга, мучавшего его с самого рождения:

Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,

¹ «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева. М.: Олма-пресс, 2004. С. 43.

Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговоят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал;
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана»¹.

Миф соразмерен, закономерен и гармоничен, определён собственной внутренней диалектической логикой, суть которой – реализация потенциала через преступление некоей границы во время «ритуала», акта инициации. Каждый объект (культурный герой) обладает историей: возникновение – жизнь – смерть. Сам факт возникновения должен был бы говорить о его временном характере, о том, что он может и должен исчезнуть таким же образом, как когда-то возник. Возникновение (проявление) есть акт реализации какой-то определенной идеи, которую будет проявлять объект (герой) в том самом пространстве, в котором возник. Герой – это тот, кто совершил подвиг, поступок «сверх» обыденного, тот, кто преодолел прежнее «Я» во имя «Я» обновленного. После воплощения, реализации того смысла, манифестацией которого являлся герой, он умирает. Но эта смерть не есть окончательная аннигиляция смысла самого героя. Напротив, это его рождение в «вечности». То же можно сказать и о самом мифе.

Умирая, старый миф никогда не исчезает. Напротив, уходя «в землю», он прорастает сквозь почву культуры, пуская корни в каждом из её пластов, находя новые способы преломления собственных идей и ликов, превращая их в иконический архетип, непрерывно трансформирующийся формально (декоративно), но сущностно остающийся «самим собой», актуальным и подлинным в своей неизменной изменчивости.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е / Под ред. А. Е. Грузинского. В 3 т. Т. 1. М., 1909. С. 51.